

ЖЕНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ С ОРУЖИЕМ: РЕАЛИИ ЖИЗНИ ИЛИ ОТОБРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ? (по материалам саргатской культуры)

Н.А. Берсенева

Погребения женщин с предметами вооружения являются панкультурным феноменом для обществ степной/лесостепной полосы Евразии раннего железного века. Предлагаемая статья посвящена систематизации и интерпретации женских захоронений с оружием саргатской культуры Зауралья и Западной Сибири. Включение саргатских данных в общий контекст развития скотоводческих обществ Евразии позволит расширить наши знания о древних социальных структурах и месте, занимаемом в нем женщинами.

Зауралье и Западная Сибирь, ранний железный век, саргатская культура, женские погребения с оружием, гендерная археология.

Погребения женщин, сопровождавшихся предметами вооружения, всегда выглядели интригующе для исследователей. Несмотря на то что такие захоронения можно найти, вероятно, для всех археологических эпох, пик этого явления приходится на ранний железный век и раннее (языческое) средневековье степной и лесостепной полосы Евразии. Наибольшее внимание в этом отношении обычно привлекали яркие материалы ранних кочевников Восточной Европы — скифские, савроматские и сарматские [Богаченко, Максименко, 2008; Смирнов, 1982; Стрижак, 2007; Фиалко, 1991; Guliaev, 2003]. С одной стороны, рассказы античных авторов, и прежде всего Геродота [IV, 114], об амазонках как будто находили соответствие в этих памятниках, с другой — интересу способствовали массовые раскопки и большой объем полученного материала.

Лесостепным курганным культурам Зауралья и Западной Сибири уделялось меньше внимания. Сильная разграбленность саргатских курганов и недостаток антропологических определений для ранних раскопок долгое время не позволяли создать достаточную базу для отдельного исследования таких погребений. В результате интенсивных археологических работ, проведенных в 1980–1990-е гг., изучение женских погребений с оружием стало принципиально возможным.

Источники

Саргатские курганные могильники эпохи раннего железа занимают обширную территорию от восточного склона Уральских гор до Барабинской лесостепи, концентрируясь в бассейнах крупных рек — Тобола, Ишима и Иртыша. По публикациям (для Приишимья, Притоболья и Барабы) и полевым отчетам (для Среднего Прииртышья) были собраны данные о 846 погребенных всех возрастов.

Анализ проводился по двум основным направлениям. Сначала были отобраны неграбленные погребения, чтобы можно было уверенно констатировать *преднамеренное* включение или исключение предметов из погребального ансамбля. Выборка, представленная в табл. 1, дает представление об их количестве, но не отражает адекватно половозрастной состав всей погребенной популяции, так как в нее вошли лишь ненарушенные погребения взрослых, в которых останки были определены антропологами. Выборки по притобольским и приишимским памятникам оказались крайне скромными по причине почти тотального разрушения захоронений. Таким образом, база данных включает 161 погребение антропологически идентифицированных взрослых, сопровождаемых инвентарем, принадлежность которого не вызывает сомнений.

Вся совокупность погребений была разделена на четыре «ансамбля»¹. В первую группу были включены все предметы вооружения, включая единичные наконечники стрел; во вторую — украшения; в третью — артефакты, которые нельзя отнести к первым двум категориям, например посуда и кости животных. Отдельную группу составили погребения без сохранившегося инвентаря. Первые два ансамбля не пересекаются между собой, предметы из нейтрального набора встречаются во всех трех категориях. Для каждого погребения был определен соот-

¹ Ансамбль (фр. ensemble) — совокупность, стройное целое. В архитектуре — гармоническое единство пространственной композиции. Подробнее об «ансамблях артефактов» см.: [Берсенева, 2010].

Женские погребения с оружием: реалии жизни или отображение социальной идентичности?

ветствующий «ансамбль». В первую очередь отделялись погребения с предметами вооружения, затем — с украшениями (более 10 бусин или более 1 металлического украшения). Могильные ямы, инвентарь которых включал лишь посуду, кости животных, предметы быта и мелкие детали одежды, были отнесены к «нейтральным». Далее была проведена корреляция между полом умершего и сопровождавшим его «ансамблем» артефактов (табл. 2).

Таблица 1

Непотревоженные погребения саргатской культуры, имеющие антропологические определения²

	Мужчины	Женщины	Всего
Прииртышье	47	40	87
Притоболье	7	14	21
Пришимье	8	6	14
Бараба	19	20	39
Всего	81	80	161

Таблица 2

«Ансамбли артефактов», характерные для женских погребений саргатской культуры, кол-во/%

Женские погребения	«Ансамбли артефактов»				Всего
	«Украшения»	«Оружие»	«Нейтральный»	«Без инвентаря»	
Прииртышье	9 (22,5)	8 (20,0)	21 (52,5)	2 (5,0)	40 (100)
Притоболье	10 (71,5)	1 (7,1)	2 (14,3)	1 (7,1)	14 (100)
Пришимье	2 (33,3)	3 (50,0)	1 (16,7)	0	6 (100)
Бараба	1 (5,0)	1 (5,0)	16 (80,0)	2 (10,0)	20 (100)
Всего	22 (27,5)	13 (16,3)	40 (50)	5 (6,2)	80 (100)

Анализ

Отдельные предметы вооружения в женских погребениях саргатской культуры встречаются достаточно часто. В основном это наконечники стрел (в том числе колчаные наборы), сохранившиеся накладки луков и, реже, кинжалы. Как минимум в половине случаев женщины сопровождалась лишь отдельными элементами оружейных комплексов — единичные наконечники стрел, колчаные крючки. Могильные ямы с этими артефактами составляют в среднем 16,3 % от общего количества потревоженных индивидуальных саргатских женских погребений (табл. 2). Однако из табл. 2 видно, что среди инвентаря женских погребений Среднего Прииртышья и Барабинской лесостепи преобладали «нейтральные» ансамбли. В Притоболье большинство женщин сопровождалось ансамблем «украшения», а на Ишиме — ансамблем «оружие». Чем обусловлены эти различия, объяснить трудно. Восточная и западная выборки сильно различаются по объему, что препятствует их полноценному сравнению. Можно предположить, что на принципах снабжения женщин западного ареала погребальным инвентарем сказались близость к сарматскому миру, где погребения с украшениями доминируют среди женских [Берсенева, 2009].

Первая часть исследования позволила уверенно констатировать само наличие женских погребений с оружием, достоверно определить их удельный вес среди женских и количественное соотношение с мужскими. Теперь рассмотрим весь массив источников, дополнив его ограбленными погребениями. В среднем захоронения с предметами вооружения составили как минимум 18 % от всех женских могильных ям. Нарушенность захоронений препятствует статистическому анализу, оставляя, тем не менее, возможность для контекстуального.

Колчаные наборы вместе с накладками луков зафиксированы в трех случаях в Прииртышье (в двух они были дополнены кинжалами): Сидоровка I, к. 5, м. 2; Бещаул II, к. 3, м. 2; Стрижево II, к. 6, м 2 [Матющенко, Татаурова, 1997; Погодин, 1989]. При этом в первых двух случаях останки принадлежали молодым женщинам (18–25 лет), а в третьем — более зрелой — 35–40 лет. В Среднем Прииртышье более или менее достоверно документировано всего два жен-

² Антропологические определения для памятников Среднего Прииртышья сделаны В.А. Дремовым, А.Н. Багашевым, Д.И. Ражевым. Остальные определения взяты из публикаций [Полосьяк, 1987; Матвеев, Матвеева, 1991; Матвеева, 1993, 1994, 2001; Культура зауральских скотоводов..., 1997; Ковригин и др., 2006; Среда, культура и общество..., 2009; Зах, 2009].

ских погребения с кинжалами (м. 2 к. 5 могильника Сидоровка [Матющенко, Татаурова, 1997, с. 28–29, рис. 76], а также яма 4 к. 1 могильника Бещаул III) [Погодин, 1988].

В Приишимье, согласно публикации Н.П. Матвеевой [1994], насчитывается довольно много женских погребений с оружием. Накладки на лук и наконечники стрел (от 1 до 19) обнаружены в 8 женских индивидуальных погребениях (но вместе только в одном), в двух случаях женщины были погребены с кинжалами. Погребение женщины 50–60 лет, одновременно содержавшее украшения (два браслета, три кольца, сурьматаш, зеркало) и оружие (кинжал, колчаный набор), найдено в могильнике Абатский 3 (к. 2, м. 17). В другой могильной яме (Абатский 3, к. 1, м. 4), принадлежавшей женщине 18 лет, были найдены кинжал, наконечники стрел, множество бусин и золотых бляшек. Могила ограблена. Одно погребение, также определенное как женское (20–25 лет), содержало меч, кинжал и колчаный набор (Абатский 3, к. 6, п. 10).

На Тоболе в женских погребениях мало оружия, лишь в двух случаях кинжал соседствовал с колчаным набором. Наконечники стрел (от 1 до 10) встречены в пяти погребениях женщин, две из которых делили могилу с детьми. Накладки лука в женских индивидуальных захоронениях здесь не обнаружены. Кинжалы зафиксированы в двух могильных ямах: в непо потревоженном захоронении женщины 50–60 лет (могильник Красногорский Борок, к. 1, п. 3 (вместе с колчаным набором) [Матвеева, 1993]) и погребении женщины 18 лет с ребенком (возраст неизвестен) (могильник Тютрино, к. 7, п. 3). В последнем случае в числе сопроводительного инвентаря найдены кинжал, наконечники стрел, удила и псалий. Кроме этого, сохранились бусины и остатки золотого шитья. Погребение ограблено [Матвеев, Матвеева, 1991]. В центральной могильной яме кургана 34 Старо-Лыбаевского 4 могильника было захоронено шесть женщин, и среди инвентаря обнаружены меч и панцирные пластины [Матвеева, 2001]. Однако степень сохранности костей разрушенного погребения может поставить под сомнение достоверность антропологической идентификации.

В памятниках Барабинской лесостепи в женских погребениях дважды найдены лишь единичные наконечники стрел (от 1 до 6) [Полосьмак, 1987, табл. I].

Таким образом, на 124 саргатских женских индивидуальных захоронения (включая потревоженные) приходится всего 7 могильных ям, содержавших либо оружие дистанционного боя в комплекте, либо кинжалы, либо то и другое вместе. Эта цифра минимальна, так как многие погребения ограблены. Таким образом, количество женщин, погребенных с более или менее настоящим оружием, сводится к 5,6 %.

Обсуждение

Как уже отмечалось выше, женские погребения с оружием не являются исключением для степного/лесостепного мира Евразии раннего железного века. Недавние публикации скифских памятников показали, что женщины иногда сопровождались буквально *всеми* видами оружия, включая тяжелое вооружение; верховыми и упряжными лошадьми. В кургане 7 могильника Новоозаведенное II была захоронена молодая женщина 20–25 лет в сопровождении обширного ряда предметов вооружения, среди которых сохранились фрагменты меча, копья, топора, боевого ножа, а также наконечники стрел и детали конской упряжи. Наряду с этим в погребении были встречены и традиционные для погребений женщин вещи: два пряслица, множество бусин из стекла, янтаря, сердолика, фаянса и гагата [Петренко и др., 2004]. В целом, согласно данным Е.Е. Фиалко, 25 % скифских погребений с оружием являются женскими [1991].

Недавно были пересмотрены данные по количеству «савроматских» (VI — начало IV в. до н.э.) женщин, погребенных с предметами вооружения [Стрижак, 2007]. В результате оказалось, что сложившееся мнение о «воинственности» женщин ранних кочевников сильно преувеличено. Среди женских погребений, имеющих антропологические определения, лишь несколько содержали единичные наконечники стрел и одно — кинжал.

Довольно агрессивной группой обычно полагаются сарматы, и в погребениях сарматских женщин иногда присутствовало оружие [Богаченко, Максименко, 2008]. По данным М.С. Стрижак, в выборке по ранним сарматам около 11 % погребений с оружием были определены антропологами как женские (20 из 176 могил) [2007, с. 75]³. Если обратиться к востоку, то пазырыкские могильники Алтая также содержат захоронения женщин с оружием. С 16-летней девушкой (Ак-Алаха 1), одетой, кстати, по-мужски — в штаны и шубу, были положены не только колчан и лук, но еще чекан и кинжал [Полосьмак, 2001, с. 58]. Инвентарь женских погребений следующей

³ Доля «оружейных» от общего количества женских погребений составляет около 20 % [Берсенева, 2009].

Женские погребения с оружием: реалии жизни или отображение социальной идентичности?

за пазырыкской булан-кобинской культуры Горного Алтая в 16 случаях (13,7 %) включал предметы вооружения: лук со стрелами, кинжалы, даже панцирные пластины [Матренин, Тишкин, 2005, с. 163–164]. В кургане 1 могильника Аржан 2 (п. 5) в Туве женщина 30–35 лет была погребена с кинжалом [Сугупов et al., 2010, S. 29, Taf. 61]. Второй погребенный — мужчина 40–50 лет был также снабжен кинжалом, но кроме того у него были лук и горит со стрелами. Большое количество золотых украшений сопровождало обоих умерших. Это самая богатая могила из 29 содержащихся под насыпью. В хуннских могильниках Забайкалья «почти в половине из выделенных кластеров женских захоронений встречаются предметы вооружения» [Крадин и др., 2004, с. 83].

Нет сомнений, что с новыми раскопками выводы будут корректироваться. Но тот факт, что в степных и близких им лесостепных обществах определенный процент женщин (по разным регионам — от 10 до 25 %) хоронились с оружием, можно считать установленным. Интерпретировать эти погребения, тем не менее, непросто. В литературе рассматривались разные возможности: от существования женских военизированных отрядов до символической передачи предметов вооружения уже отбывшим в иной мир мужьям или родственникам [Богаченко, Максименко, 2009, с. 55; Полосьмак, 2001, с. 276–277; Стрижак, 2007, с. 75]. Существует также мнение об антропологических ошибках [Ражев, 2009, с. 46–48]. Но главным вопросом, занимающим исследователей, по-прежнему является следующий: участвовали ли женщины в реальных боевых действиях и в какой форме: на регулярной или случайной основе?

Существование женских воинских подразделений зафиксировано исторически [Nelson, 1997, p. 139–140], так же как и женщин-воинов и военачальников [Jones-Bley, 2008]. Богини войны (наряду с богами) присутствовали в религиозных представлениях многих народов [Green, 1995, p. 28–45; Nelson, 2003]. Но в какой степени это касается населения лесостепной и степной Евразии эпохи раннего железа? Имеем ли мы здесь дело с социальными реалиями — наличием слоя женщин, непосредственно участвовавших в военных действиях, или оружие в женских погребениях являлось символом других отношений — гендерных, статусных, иерархических?

В пользу прямого участия в военных столкновениях скифских и сарматских женщин высказываются антропологи. На основании анализа среднедонских антропологических коллекций М.В. Добровольская предположила, что «амазонками» были женщины с гормональными нарушениями — «мужеподобные». Серьезные травмы, которые могли быть получены во время боя, отмечены у женщин старше 40 лет. Некоторые из них имели признаки лобного гиперостоза. Незначительное количество таких случаев предполагает, что лишь небольшая часть женщин могла быть привлечена к воинскому ремеслу [Добровольская, 2009, с. 191]. Саргатские коллекции также подверглись анализу. Д.И. Ражев выделил два «морфотипа» по признакам физической активности. Женщины второго морфотипа (более активного), по его мнению, могли «участвовать в воинских формированиях» в качестве «конных лучниц» [2009, с. 61, 288].

Теперь рассмотрим погребения с оружием в символическом аспекте. Одежда и различные предметы (а оружие — в первую очередь), формирующие внешний облик, обычно использовались в том числе и для того, чтобы натурализовать существование общественного неравенства и системы гендерных различий. В отсутствии централизованного управления и записанных законов стереотипы поведения, закрепленные визуально, должны были быть необычайно сильны.

«Царские» курганы не позволяют усомниться в наличии элиты среди скотоводов раннего железного века Евразии. В случае саргатской культуры различные предметы роскоши (стеклянная и металлическая посуда, украшения из золота и серебра — как правило, импортные вещи) одинаково характерны для погребений индивидов обоих полов. Однако наиболее пышные захоронения, содержащие практически все виды известного на тот период оборонительного и наступательного вооружения на территории Зауралья и Западной Сибири, идентифицированы как мужские [Погодин, 1990; Матющенко, Татаурова, 1997, с. 11]. Предметы вооружения здесь, таким образом, являлись важным гендерным и статусным маркером⁴.

Помещение оружия в могилу не обязательно означало, что война была постоянным и единственным занятием населения, жившего в евразийской степи и особенно лесостепи в раннем железном веке. Оружие могло выступать статусным символом, обозначающим принадлеж-

⁴ Интересно, что при обращении к скифским материалам можно увидеть подобную, если не аналогичную ситуацию: «...чем богаче скифское погребение, тем больше в нем оружия и тем это оружие дороже и совершеннее. В частности, панцири и вообще защитные доспехи встречаются преимущественно в аристократических погребениях» [Хазанов, 1975, с. 180]. Не являются исключением в этом случае и женские и даже подростковые погребения [Петренко и др., 2004, 2006].

ность к «касте» воинов, и гарантировало подобное же место в загробном мире. Сходные представления, как известно, бытовали у многих народов Северной, Центральной и Восточной Европы этого и более позднего времени. Геродот отмечал, что военное дело считалось наиболее благородным занятием среди скифов [II, 167]. Цезарь писал, что у галлов было два основных класса — друиды и воины, остальные не имели большого значения [Cunliff, 1997, p. 107]. Раннесредневековые скандинавские законы предписывали всем свободным мужчинам всегда иметь при себе оружие, в том числе после смерти [Mortensen, 2004, p. 105].

Наконец, во всех этих культурах единично встречаются захоронения мужчин с так называемыми «женскими» артефактами. В раннесарматском могильнике Прохоровка I на Южном Урале было обнаружено погребение «пожилого мужчины (определение, сделанное Л.Т. Яблонским по черепу и тазу, сомнений не вызывает) в сопровождении бронзового зеркала, гешировых и стеклянных бус, лощила, пряслица и одного бронзового наконечника стрелы, который находился в районе черепа (вероятнее всего, он был положен в могилу в качестве амулета)» [Яблонский, Мещеряков, 2008, с. 202]. Предложенные ранее варианты объяснения таким погребениям включают ряд возможностей от «среднестатистической» антропологической ошибки [Ражев, 2009, с. 46–48] до ритуального «травестизма» [Троицкая, 1987]. Однако ввиду малочисленности подобных случаев и наличия разночтений (по крайней мере, для саргатской культуры) в установлении пола вряд ли можно предложить какое-нибудь действительно убедительное объяснение.

Что касается женских погребений с оружием, то они *несомненно* существуют. Основываясь на исторических и этнографических данных, многие авторы полагают, что захоронение женщин с «мужскими» артефактами часто говорит об их повышенном статусе [McHugh, 1999; Parker Pearson, 1999]. Скифские женские захоронения с оружием встречаются в основном в элитных курганах [Петренко и др., 2004]. Средневековых королей хоронили с оружием и в доспехах, что также было показателем их высокого положения [McHugh, 1999]. Исследователи считают, что оружие здесь скорее является статусным символом, нежели свидетельствует о действительном занятии или военных успехах той части мужчин или женщин, которая была погребена с ним [Gilchrist, 1997, p. 47–49; Harke, 2004, с. 203].

Интерпретация

Саргатские погребения с оружием могут быть отчасти интерпретированы в том же ключе. Оружие в мужских погребениях, видимо, маркировало статус. Так называемые «золотые» могилы Сидоровки и Исаковки I содержали захоронения мужчин в сопровождении полного комплекта защитного и наступательного вооружения, включая и парадные экземпляры. Мужские могилы, не содержавшие оружия, обычно были достаточно скромны как по сопроводительному инвентарю, так и в плане внутри/надмогильных конструкций⁵.

Косвенным подтверждением сказанного может отчасти служить тот факт, что для саргатского населения антропологически зафиксировано относительно малое количество черепных травм, которые традиционно служат показателем степени враждебности социальной среды. Проведенные Д.И. Ражевым исследования показали, что «из 9 травмированных черепов саргатской коллекции 5 оказались с боевыми поражениями» [2009, с. 298]. Всего же было изучено 173 черепа. Это позволило Д.И. Ражеву оценить уровень боевого травматизма носителей саргатской культуры как «средний», характерный для обществ, которые регулярно (но не постоянно) вовлекаются в военные действия. Тем не менее средние показатели (колеблющиеся, впрочем, у нижнего предела) уровня травматизма свидетельствуют, что не все мужчины, а только какая-то их часть действительно принимала участие в боевых действиях⁶.

На трех женских черепах из могильников саргатской культуры также зафиксированы следы военных столкновений, в том числе раны, нанесенные стрелами и холодным оружием [Ражев, 2009, с. 290–295]. Два таких погребения обнаружены в Пришимье и одно в Барабе. В кургане 1 могильника Марково 1 (Бараба) был найден череп женщины 25–40 лет со следами зажившего колотого ранения. К сожалению, погребение полностью ограблено, инвентаря не сохранилось

⁵ Захоронения мужчин без оружия (в сопровождении «нейтрального» ансамбля артефактов) есть среди скифских и сарматских материалов [Бунятян, 1985; Берсенева, 2009, с. 113]. Можно добавить, что на кельтских и англосаксонских кладбищах до 50 % мужчин также погребались без оружия [Lucy, 1997, p. 157–162; Woolf, 1997, p. 73].

⁶ Известно, что показатели травматизма для поздних сарматов значительно выше, более 70 %. Поздние сарматы поэтому полагаются некоторыми исследователями агрессивной и воинственной группой [Балабанова, 2004, с. 175; Бужилова, Каменецкий, 2004, с. 208–211].

Женские погребения с оружием: реалии жизни или отображение социальной идентичности?

[Полосьмак, 1987, табл. I]. На Ишиме, в могильнике Кокуйский 3, в коллективной могиле совместно с двумя мужчинами и ребенком трех лет была погребена женщина 30–50 лет, в черепной коробке которой зафиксировано отверстие, пробитое стрелой. Могила выглядела ненарушенной, но кости женщины находились в беспорядке. Не ясно, был ли у нее сопроводительный инвентарь [Матвеева, 1994, с. 105–106]. Третье отмеченное Д.И. Ражевым погребение (Абатский 3 могильник, к. 2, п. 10) отнесено Н.П. Матвеевой не к саргатской, а к кашинской культуре. Череп этой женщины 25–35 лет имел следы искусственной деформации, инвентарь состоял из двух стеклянных бусин и железного ножа [Там же, с. 135].

Таким образом, взаимосвязь между боевыми травмами и присутствием предметов вооружения в саргатских женских погребениях выявить не удастся. Тем не менее наличие в женских погребениях оружия, возможно, подтверждает если не равноправное, то достаточно высокое положение женщин в скотоводческих обществах Евразии раннего железного века, значительную степень их самостоятельности и сравнимые по значимости с мужскими социальные роли. Как известно из этнографии и истории, женщины кочевых народов часто вынуждены были принимать на себя мужские обязанности во время продолжительного отсутствия своих занятых войной и грабежами мужчин [Крадин, 2007, с. 209].

Но являются ли женские погребения с оружием одновременно и самыми богатыми в плане другого погребального инвентаря или размаха курганных конструкций? К сожалению, в саргатских «царских» курганах не обнаружено непо потревоженных женских погребений. В обширной и глубокой могильной яме 3 кургана 6 могильника Исаковка I, останки из которой идентифицированы как женские, не выявлено никаких следов присутствия оружия, однако найдены железные удила. Судя по сотням уцелевших золотых нашивных бляшек и пронизей, погребение было очень богатым. Так же обстоит дело и с женскими могильными ямами кургана 5 этого могильника [Погодин, 1990]. В Притоболье женские погребения, которые можно назвать «богатыми», с большим количеством инвентаря, золотыми и серебряными украшениями, оружия не содержали. Такая же ситуация и на Ишиме, за одним исключением — уже упомянутого выше погребения, где кинжал соседствовал с зеркалом, кольцами, браслетами и остатками золотного шитья. В Барабинской лесостепи — на восточной периферии саргатского мира — крупные курганы раскопаны на могильнике Усть-Тартас, и они, к сожалению, ограблены. Остальные изученные могильники этого региона содержат очень скромные захоронения с минимумом инвентаря [Полосьмак, 1987, табл. I].

В скифских памятниках, как уже говорилось, в элитных женских погребениях оружие присутствовало. Что касается сарматского ареала, то, судя по публикациям, наиболее «богатые» женские захоронения оружия не содержали (см., например: [Ковпаненко, 1986; Скворцов, Скрипкин, 2008]), тогда как мужские того же уровня включали его обязательно [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989; Яблонский, Мещеряков, 2007]. На основании анализа инвентаря и локализации донских сарматских женских погребений с оружием Т.В. Богаченко и В.Е. Максименко заключили, что «наличие оружия в могиле, видимо, само по себе мало говорит о высоком или низком статусе погребенной женщины» [2009, с. 54].

Как же все-таки следует интерпретировать это явление? Непосредственное участие некоторых женщин саргатской культуры в военных столкновениях можно признать доказанным на основании данных палеоантропологии и наличия предметов вооружения в женских захоронениях. При этом, судя по присутствию «комплекса лучника» в погребениях, женщины могли быть не только пассивными жертвами насилия, но и равноправными участниками боя. Масштабность их участия следует все же оценить как незначительную, так как упомянутые выше свидетельства касаются лишь малой части женского населения. Существование каких-либо женских регулярных формирований археологическими источниками не подтверждается. С другой стороны, особенности скотоводческого образа жизни и, возможно, беспокойная обстановка на границе со степью вынуждали женщин обучаться элементарным навыкам владения посильным им оружием, чтобы при необходимости защитить себя, детей и хозяйство. К тому же они уверенно держались в седле [Ражев, 2009, с. 280].

Помещение в могилу единичных наконечников стрел имело, вероятно, какое-то символическое значение, которое, несмотря на многочисленные попытки истолкования, не ясно. Судя по тому что они найдены в большинстве своем в относительно небогатых погребениях, считать их маркером высокого статуса вряд ли оправданно. В материальном плане они не представляли особой ценности. Наконечники могли использоваться в каких-то обрядах во время погребального ритуала, смысл которых нам пока не дано разгадать.

Высокий вертикальный статус женщины символизировали в погребальном инвентаре, по-видимому, украшения и предметы роскоши в большей степени, чем оружие. Крупные насыпи и сложные, глубокие могильные ямы являлись общим для мужчин и женщин статусным признаком. Женщины, захороненные с оружием, не стояли на самой верхушке саргатской общественной пирамиды. Возможно, занятия военным делом были обусловлены их индивидуальными склонностями и возможностями, а не принадлежностью к какой-либо общественной группе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Погодин Л.И. Отчет об археологических раскопках курганов Стрижевского II и Стрижевского III могильников в Нижнеомском районе Омской области, проведенных Омским государственным университетом в 1987 г. Омск, 1988 // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 53–1.

Погодин Л.И. Отчет об археологических раскопках курганов у д. Бещаул Нижнеомского района Омской области, проведенных Омским государственным университетом в 1988 г. Омск, 1989 // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 57.

Погодин Л.И. Отчет об археологических исследованиях в Нижнеомском и Горьковском районах Омской области в 1989 г. Омск, 1990 // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 65.

Литература

Балабанова М.А. О древних макрокефалах Восточной Европы // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М.: ИА РАН, 2004. Вып. 3. С. 171–187.

Берсенева Н.А. К вопросу о сходстве «модели» погребальной обрядности степных и лесостепных культур Урала и Западной Сибири в эпоху раннего железа // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: ЮУрГУ, 2009. С. 110–113.

Берсенева Н.А. Погребальные памятники саргатской культуры Среднего Прииртышья: Гендерный анализ // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 3 (43). С. 74–83.

Богаченко Т.В., Максименко В.Е. Погребения «женщин с оружием» эпохи раннего железного века на Дону (методологические аспекты проблемы изучения) // Нижневож. археол. вестн. Волгоград: ВГУ, 2008. Вып. 9. С. 48–61.

Бужилова А.П., Каменецкий И.С. Сарматы и боевые столкновения (анализ черепных травм на примере материалов из могильника Саганский I) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М.: ИА РАН, 2004. Вып. 3. С. 208–213.

Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии: На материале скифских могильников IV–III вв. до н.э. Киев: Наук. думка, 1985. 228 с.

Геродот. История в девяти книгах. М.: Ладомир, 1999. 752 с.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.: Наука, 1989. С. 5–13.

Добровольская М.В. Травматические повреждения на скелетных останках людей из курганных некрополей Среднего Дона // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Тр. Дон. археол. экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. М.: ИА РАН, 2009. С. 174–185.

Зах В.А. Комплексы кургана 7 могильника Чепкуль 9 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. № 9. С. 4–21.

Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев: Наук. думка, 1986.

Ковригин А.А., Корякова Л.Н., Курто П. и др. Аристократическое погребение из могильника Карасье 9 // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа: Гилем, 2006. С. 188–204.

Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 495 с.

Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б. Социальная структура хунну Забайкалья. Владивосток: Дальнаука, 2004. 106 с.

Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: Антропологическое исследование / Корякова Л.Н. и др. Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. 170 с.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Тюринский могильник // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 1991. С. 104–139.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.

Матвеева Н.П. Старо-Лыбаевский-4 курганный могильник по раскопкам 1999 года // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. Вып. 3. С. 98–113.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Булан-кобинская культура Горного Алтая // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: ИрГТУ, 2005. С. 152–182.

Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск: Наука, 1997. 198 с.

Женские погребения с оружием: реалии жизни или отображение социальной идентичности?

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное-II (предварительная публикация) // Археологические памятники раннего железного века Юга России. М.: ИА РАН, 2004. С. 179–210.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребения подростков в могильнике Новозаведенное-II // Древности скифской эпохи. М.: ИА РАН, 2006. С. 388–423.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.

Ражев Д.И. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург: УрО РАН, 2009. 492 с.

Скворцов Н.Б., Скрипкин А.С. Погребение сарматской знати из Волгоградского Заволжья // Нижне-волж. археол. вестн. Волгоград: ВГУ, 2008. Вып. 9. С. 98–116.

Смирнов К.Ф. «Амазонка» IV в. до н.э. на Дону // СА. 1982. № 1. С. 120–131.

Среда, культура и общество Лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса) / Корякова Л.Н., Дэйр М.-И., Ковригин А.А. и др. Екатеринбург: Сургут: Магеллан, 2009. 298 с.

Стрижак М.С. О женских погребениях с оружием кочевников Приуралья и Поволжья в VI — начале IV вв. до н.э. // Вооружение сарматов: Региональная типология и хронология. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. С. 71–75.

Троицкая Т.Н. Явление травестизма в скифо-сибирском мире // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. Новосибирск: Наука, 1987. С. 59–63.

Фиалко Е.Е. Погребения женщин с оружием у скифов // Курганы степной Скифии. Киев, 1991.

Хазанов А.М. Социальная история скифов: Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.: Наука, 1975. 335 с.

Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. Раскопки «царского» кургана в Филипповке (предварительное сообщение) // РА. 2007. № 2. С. 55–62.

Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. Доследование курганного могильника у д. Прохоровка // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008.

Суганов К., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Furstenkurgan Arzan 2 in Tuva // Archaologie in Eurasian. B. 26. Mainz, 2010. 330 S.

Cunliffe B. The Ancient Celts. Oxford: Oxford University Press, 1997. 324 p.

Gilchrist R. Ambivalent bodies: gender and medieval archaeology // Invisible People and Processes: Writing Gender and Childhood into European Archaeology. L.; N. Y.: Leicester University Press, 1997. P. 42–58.

Green M. Celtic Goddesses. Warriors, Virgins and Mothers. L.: British Museum Press, 1995. 224 p.

Guliaev V. Amazons in the Scythia: New finds at the Middle Don, Southern Russia // The social commemoration of warfare. World Archaeology. 2003. Vol. 35, № 1. P. 112–125.

Harke H. The Anglo-Saxon weapon burial rite: an interdisciplinary analysis // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М.: ИА РАН, 2004. Вып. 3. С. 197–207.

Jones-Bley K. Arma Feminamque Cano: Warrior-Women in the Indo-European World // Are All Warriors Male? Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe. N. Y.: AltaMira Press, 2008. Ch. 2. P. 35–50.

Lucy S. J. Housewives, warrior and slaves? Sex and gender in Anglo-Saxon burials // Invisible People and Processes: Writing Gender and Childhood into European Archaeology. L.; N. Y.: Leicester University Press, 1997. P. 150–168.

McHugh F. Theoretical and quantitative approaches to the study of mortuary practice. BAR Intern. Series 785. Oxford: Basingstoke press, 1999. 152 p.

Mortensen L. The «marauding pagan warrior» woman // Ungendering Civilization. N. Y., L.: Routledge, 2004. P. 94–116.

Nelson S. M. Gender in Archaeology. Analyzing Power and Prestige. 1997. 197 p.

Nelson S.M. Ancient Queens. Archaeological Explorations. Walnut Creek: AltaMira Press, 2003. 200 p.

Parker Pearson M. The Archaeology of Death and Burial. Stroud: Sutton publishing limited, 1999. 250 p.

Woolf A. At home in the Long Iron Age: a dialogue between households and individuals in cultural reproduction // Invisible People and Processes: Writing Gender and Childhood into European Archaeology. L., N. Y.: Leicester University Press, 1997. P. 68–74.

Челябинск, Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН
bersnatasha@mail.ru

Female burials containing arms articles stay a pancultural phenomenon for societies from the Eurasian steppe/forest-and-steppe zone of the Early Iron Age. The suggested article is devoted to systematization and interpretation of the Sargatka culture female burials containing weapons in Transural and West Siberia. The inclusion of the Sargatka data into the common development context of Eurasian cattle breeding societies will enable to broaden our knowledge on ancient social structures and position held therein by females.

Transural and West Siberia, Early Iron Age, the Sargatka culture, female burials containing weapons, gender archaeology.